

18+

Соня Василевская

Двое

Криминальный роман

Соня Василевская

Двое. Криминальный роман

«Издательские решения»

Василевская С.

Двое. Криминальный роман / С. Василевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985955-6

Криминальный роман «Двое» — автобиографичный с элементами вымысла. Представляет собой историю русских Бонни и Клайда рубежа 20—21 вв. В центре сюжета — семейный конфликт отчима и падчерицы, разрешившийся убийством отчима. Света Вершинская — героиня отрицательная, одержимая идеей убить своего отчима. Она пишет криминальный роман, за время работы над которым незаметно и плавно сама становится бандиткой. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-985955-6

© Василевская С.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	9
ГЛАВА 4	11
ГЛАВА 5	13
ГЛАВА 6	15
ГЛАВА 7	16
ГЛАВА 8	17
ГЛАВА 9	19
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	21
ГЛАВА 10	21
ГЛАВА 11	23
ГЛАВА 12	25
ГЛАВА 13	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Двое

Криминальный роман

Соня Василевская

© Соня Василевская, 2020

ISBN 978-5-4498-5955-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Глава семейства, отец, Вершинский Владимир Николаевич, еще в 1989-м году завел роман с Еленой Витальевной Долгиной. При этом был Владимир Николаевич женат и имел двоих дочерей. Долгина имела одного сына и была разведена. Они с Вершинским вместе работали на одном заводе и давно знали друг друга. Вершинский привлек одинокую даму главным образом потому, что имел золотые руки.

Со своей женой, Тамарой Анатольевной, Вершинский прожил пятнадцать лет, и были эти годы отмечены тишиной и миром. Владимир Николаевич никогда руки не поднял на Тамару Анатольевну. В свою очередь Тамара Анатольевна была женщиной спокойной и не ревнивой и не было никаких веских причин уходить от нее к другой. А о том, что у Владимира Николаевича появилась на стороне женщина, стало известно только в 94-м году – через пять лет...

Сначала Тамара Анатольевна его просто выгнала, а позже подала на развод. Шел 1996-й год...

Примерно года через полтора в семье появился отчим, Бавыкин Леонид Васильевич, который стал законным мужем Тамары Анатольевны и с первого же дня стал вести себя в доме как хозяин. Свету он невзлюбил с первого раза: она не понравилась Бавыкину чисто внешне. С его появлением женщинам Вершинским не стало жизни. Бавыкин любил выпить и часто приходил домой пьяным, правда, вел себя тихо и буйных концертов никогда не устраивал. Он нелюдимо и с ненавистью относился к домашним, особенно к Свете, которую иначе как «сука» и не называл. Ей доставалось больше всех. Света стала для отчима пустым местом и он для нее тоже. Общение с отчимом Света свела к минимуму. Однако, живя под одной крышей, пересекаться им все равно приходилось. Потом Бавыкин вообразил себе вдруг, что с какой-то нечаянной радости стал один везде и кругом прав. То есть правильно только то, что делает он, а все остальное и внимания не стоит. Он повышал на домашних голос, указывал им, а на свое место в квартире однажды заявил Тамаре Анатольевне, что здесь он имеет метры и никуда отсюда не пойдет. И хотя он и стал теперь законным мужем Тамары Анатольевны, но продолжал поддерживать отношения со своей бывшей женой.

Света обожала одиночество и находила в нем себе наслаждение, понятное только ей, уединение, успокоительное для души. Подруг у нее не было (лишь одна, да и та жила в Беларуси), парни тоже не водились. Но Света не унывала: романтическая натура, она восторгалась природой, пейзажи ее завораживали, она много мечтала. Душа лежала к поэзии и лирике, но стихи у нее не получались: строки в рифму не складывались, а если и выходили какие-нибудь двустишия, то они были не красивые, глупые и продолжения не имели. Но Света и тут не унывала: она вполне довольствовалась и прозой. Сейчас она писала свой первый и, может быть, единственный роман, роман криминальной тематики. И это в 18 лет! Герои были, конечно, выдумкой, но как живые, они вполне соответствовали той жизни, которую изобразила фантазия Светы. Все дело в том, что работала она над произведением толково, а после готовилась издать роман самостоятельной книгой. Она настолько окунулась в свое произведение искусства, что стала потихоньку невольно втягиваться... Ей вдруг захотелось познакомиться с живым преступником, связать с ним свою судьбу, а кроме этого Света видела в живом преступнике и творческую выгоду тоже: он был нужен ей как источник информации, как живой материал; в конце концов она рассчитывает с его помощью... *убить своего отчима.*

Вот недавно Бавыкин сказал в адрес младшей дочери оскорбительную вещь, которой Света не смогла родителю простить. Причем в ней поселилось убеждение, что за такое необхо-

димо отомстить, – убеждение, вполне достойное законов преступного мира. А где взять представителя этого мира, она тоже знала: вот уже целый год, сколько и работает над романом, она переписывается с зеком Анатолием Бондаренко. В своем последнем письме тот написал, что на будущей неделе освобождается...

ГЛАВА 2

К своим 28 годам непутевой жизни Анатолий Бондаренко имел только строгую мать, специальность плотника, полученную уже в тюрьме, да две судимости, из них одну – условную, приобретенную в восемнадцать лет за «щипачество». Не выдержав отмерянного судом испытательного срока, Толик уже через полгода совершил разбойное нападение на коммерческий киоск, в ходе которого нанес средней тяжести увечья продавщице. За это сейчас и сидел. Подавая в газету объявление о знакомстве, он расписал себя как доброго и чуткого, красивого, попавшего, разумеется, по ошибке и по недоразумению в тюрьму. Собственно, внешность зека Бондаренко Свету Вершинскую мало интересовала: наблюдательная девушка, проведя собственное расследование, смогла прийти к выводу, что процентов 70 всех преступников или красивые, или, по крайней мере, наделены приятной внешностью; она не сомневалась, что Анатолий ей понравится. Что же до его возраста, то десять лет разницы для Светланы Вершинской не помеха. Но, прочитав объявление Бондаренко, внимательная девушка засомневалась: а стоит ли ей рисковать? Вдруг зеку не подруга жизни нужна, а просто ему скоро выходить, да идти некуда, вот он и решил через газету найти себе угол? А как он выйдет да к Вершинским домой явится – что тогда с ним делать? А вдруг он Свете надоеет, как его выгнать? как вообще тогда от него отвязаться? А вдруг он все-таки не красавец? не стало бы за него стыдно... И вот, дабы избежать того, что ее самые худшие опасения сбудутся, Света открывает в почтовом отделении абонентский ящик и, не указывая своего адреса, пишет письмо в зону. «Заодно и узнаем, что ему надо и чего он хочет», – твердо решила она напоследок.

Прошло немало времени, прежде чем зек ответил; Света уже и забыла, что написала ему. Но вдруг приходит ответное письмо... Анатолий в основном расписывал свою казенную жизнь, но за что сидит, не сказал, хотя Света и просила его написать об этом. О своей внешности – тоже ни слова, лишь упомянул, чтобы Света в следующий раз писала на конверте обратный адрес, а то цензоры могут ее письмо и не пропустить. А написав Бондаренко три письма – и таким образом завязав длительную переписку – Света вдруг пожалела, что затеяла все это. Но зек всерьез ею заинтересовался, и она решила, что отступать поздно и дороги назад нет.

Чем ближе был день освобождения Бондаренко, тем больше Света боялась. Иногда она представляла его себе рыжим и толстым, сильным, с выщербленными зубами, с наколками по всему телу, а на вид ему давала не меньше сорока лет. Света гнала такие мысли от себя прочь. Ее страх усиливался по мере того, как она думала, что ужасной внешности Бондаренко явится к ней домой, а ему откроют либо мать, либо сестра. Конечно, какое им дело до того, кто это Свету спрашивает, но стыдно-то как, боже! Такая-то внешность! Это вам не роман собственного произведения, когда ты управляешь всеми действиями и даже ходом мыслей героя, когда ты наперед знаешь, что будет дальше и задолго до конца этот самый конец тебе известен – тут жизнь, которую ты не можешь предсказать. Домашние привыкли, что ты постоянно одна, а ты вдруг приводишь какой-то страх... Лучше б уж никого не приводила! Зато в том, что Бондаренко сможет ее полюбить, Света не сомневалась, так как считала, что любовь – это чувство, а управлять чувствами никто не властен. Она даже формулу любви сочинила: Л-Ч-Д-С-П, что значит «любовь – чувство – душа – сердце – плоть: любовь – чувство, чувство идет из души, душа – в сердце, а сердце – во плоти». Впрочем, до любви еще далеко: пока Бондаренко еще только встретить надо...

ГЛАВА 3

– Здравствуйте. Вы, наверное, Ирина Алексеевна?

– Да; здравствуйте. – Красивая молодая женщина смотрела на Свету из-за двери вопрошающим взглядом.

– Я к вам от Лены Малехович – она у вас часто бывает и должна была сказать, что я приду.

– А-а, ты Света? – догадалась Ирина Алексеевна. – Ну, проходи, не стесняйся. Можешь не разуваться: здесь фирма, а не квартира.

Фирма «Вега-М», куда Света пришла устраиваться на работу, создана на базе многокомнатной квартиры на третьем этаже панельной многоэтажки. Пару лет назад квартира была арендована, комнаты оборудованы под офисы, один из них – офис по рекламе, личный кабинет Ирины Алексеевны Романюк, где она и приняла Свету. Свете сразу бросился в глаза тот факт, что помещение было очень щедро ухожено: на всех окнах – жалюзи, на столах – компьютеры, стены выклеены самоклеющейся пленкой, а на них – картины с пейзажем, блестящим под солнцем. В рабочем офисе Романюк стоял широкий мягкий диван, зеркальный столик с журналами мод и косметики, рабочий стол с компьютером, шкаф и полка с наборами для ванн. Усадив Свету, Романюк принялась знакомить ее с родом деятельности фирмы «Вега-М».

– «Вега-М» – фирма негосударственной формы собственности, проще говоря, частная. Вот это, – Романюк широко развела руками, – даже не фирма, а филиал, сама фирма находится во Франции – в Париже; а директор наш, Павел Павлович Захаренков, управляет нашим филиалом; владелец фирмы – француз. Я здесь – менеджер по кадрам, то есть по подбору персонала. Занимается «Вега-М» реализацией французской косметики для лица. В магазинах ты нигде такой косметики не найдешь, потому что нам поставляют ее только на заказ. Вот этот набор, который ты сейчас видишь перед собой, стоит 120 долларов. Здесь и крем для омолаживания, и крем против морщин, а это вот гель против угрей. Все натуральное. А гель – самое лучшее средство для избавления от вечной проблемы. Видишь ли, Светочка, все средства, которыми пользуются подростки, временны и ненадежны. Даже я для пользования в домашних условиях рекомендую брать в равных пропорциях горчицу, соду и соль и два раза в день, утром и вечером, делать на лицо маску. Но это средство, должна я признаться, тоже малоэффективно. Так что наша косметика – самый выгодный вариант, она хороша и для мужчин. А этот вот лосьон предназначен для очистки лица. Дело в том, Света, что как бы мы ни ухаживали за нашей кожей на любом участке тела, она все равно не будет идеально чистой. Добиться кристальной чистоты можно только при помощи этого лосьона. Потом, Света, вряд ли кто-то знает, что у каждого человека строение лица индивидуально, и под каждый тип лица необходимо подобрать индивидуальную косметику. Мы научим тебя этому.

– И как я тогда буду называться?

– Человека, который занимается соотношением косметики и лица, у нас называют дизайнер-косметолог. Но их у нас достаточно, а вот распространителей нашей косметики нам очень не хватает. Нам откровенно нужны люди, которые сумеют наш товар продать.

– А сколько же стоит удовольствие от продажи?

– Оплата сдельная, но не меньше тысячи долларов в месяц. Только очень желательно хоть что-нибудь продать.

– А если ничего не продашь?

– Ну... – Романюк запнулась и развела руками. – Что поделаешь? Денег не дадут, а если ты не сможешь заинтересовать покупателя, если ты постоянно ничего не будешь продавать, то лучше уходи сама и сразу. В противном случае тебя все равно уволят.

– Понятно. Ну, а подумать мне можно?

– Бога ради! Я ведь тебя силком к нам сюда не тяну, воля твоя. Но если придешь к нам – не пожалеешь. И если вдруг надумаешь, то тебе надо будет подписать контракт: большой или маленький. Большой стоит 70 долларов, маленький – 50.

– Какая между ними разница?

– Подписывая маленький контракт, ты ограничиваешь себя в обязанностях, но, соответственно, и получаешь меньше.

Вершинские не располагали такими материальными возможностями. Света глубоко задумалась: где взять эти деньги? По сути, это немного, но если денег нет? А взять где-то надо: дальнейшая перспектива соблазнительно манит.

– Вам можно как-то позвонить? – спросила она Романюк.

– Конечно. Вот моя визитка.

ГЛАВА 4

Бондаренко отбывал срок в Подмосковье, в маленьком городке Волковск, где была колония строгого режима. Туда и приехала Светка встречать Анатолия. Встречала она его у самых ворот тюрьмы, где Анатолий отбывал свой последний срок. Пока она стояла, ожидая, к тюрьме подкатил черный «бумер», забитый людьми. Их было четверо, но никто из них из машины так и не вылез.

В половине одиннадцатого утра железные, свободные от колючей проволоки двери тюрьмы с грохотом растворились, и по направлению к Свете зашагал высокий желтоволосый парень, зеленоглазый и привлекательный. Походкой он держался прямой и строгой, шагал широко и быстро. Одет был буднично, но сносно. Он сразу узнал Свету: маленького роста, одетая в синие джинсы и короткую кожанку, она, съжившись от страха в комок, стояла прямо напротив ворот исправительного учреждения. Она не произвела на рецидивиста никакого впечатления; Бондаренко хотел даже пройти мимо, будто и не заметил ее вовсе, но им овладело живое любопытство. Анатолий подошел ближе.

– Ну, – оскалился он желтыми зубами, в которых зажимал сигарету, – здравствуй.

Бледная, с измученным и уставшим лицом, Света ужасно застеснялась, отвела взгляд в сторону. Бондаренко не смутился.

– Я чутьем догадался, что это ты. Почему-то я именно такой тебя себе и представлял. Как дела? – Анатолий сделал движение рукой, желая дотронуться до Светы, но она боязливо отстранилась.

Дальнейший разговор перебил сигнал машины. Бондаренко резко обернулся.

– Ну, как хочешь, – равнодушно сказал он. – Я пойду: ко мне вон друзья приехали. Интересно было познакомиться! – и удалился к BMW.

– Салют, Ремесло! – Из салона авто показался высокий солидный парень и засвистел. – Толян! Рад тебя снова видеть на свободе! Ну, милости прошу к нашему шалашу! – солидный бросил на асфальт окурок и обнял недавнего зека по-братски.

– Картавый, родной! – воскликнул обрадованный Бондаренко, обнимаясь.

– Ну что, отзвонил, наконец-то? – из машины вылез водитель. С шампанским.

– Щегол! Братан! Срок позади, аж не верится! Не забуду мать родную, братва, завязываю! – Бондаренко поднял свитер и показал выбитого на животе сиреневого кота. – В натуре, мужики, век свободы не видать! На свободу – с чистой совестью! Да здравствует свобода!

Свету никто не заметил с самого начала и никто из приехавших бандитов не обратил внимания на то, что Бондаренко с ней вроде как базарил и хотел... пощупать, что ли... Однако почему Картавого назвали Картавым, девчонка поняла: он картавил на букву «р», что было очень хорошо слышно. Наконец, сам Бондаренко вспомнил про нее и повернулся в ее сторону.

– Да, Светка, – спохватился он, – завтра в час дня я жду тебя на этом же месте, а сегодня я занят. – После его слов и встречающая его братва обернулась в сторону Светы.

– О, да мы здесь, оказывается, не одни были! – с интересом сказал Щегол. – Так, Ремесло, ты садишься или нет?

Бондаренко заржал:

– Щегол, я только что откинулся!

– Виноват, брат, извини! – согласился Щегол, а когда уселись в машину, спросил явно неодобрительно:

– Это что за телка?

– Ай, так... Одна из тех, кто мне на мои красивые малявы отвечала, которые не я писал.

Конопатый и Крот (еще двое из компании) грохнули дружным гоготом, затем открыли бутылку.

Братва повезла кореша на Третьяковский проспект и прямо – в бутик «Армани»: надо же было человеку прилично одеться. Оттуда – в парикмахерскую, а потом и в ресторан «Сан-Мишель». Шампанское выпили по дороге, сейчас заказали еще бутылку и десять порций коньяка – по две на каждое рыло. Крот сказал первый тост:

– За тебя, Ремесло. За то, чтоб эта твоя «командировка» была у тебя последней, а я буду помогать тебе, чем могу.

– Спасибо, брат. За то, что я завязал, – добавил Бондаренко.

Бандиты чокнулись. Осушив стаканы, Конопатый спросил у Ремесла, чем он думает заняться и как вообще собирается теперь жить.

– Не знаю пока, я еще не думал, – ответил тот.

– Тогда новый тост: за новую жизнь!

ГЛАВА 5

Мать Анатолия Бондаренко – женщина пятидесяти лет, еще не седая волосами, красивая, одинокая вдова (муж закончил жизнь тоже в тюрьме) единственного сына хотя и очень любила, но его преступных походов не одобряла, поэтому Толика не баловала и не уважала. Первый раз свое ненаглядное чадо еще простила, а уж во второй даже на свидания не приезжала, только письма ему писала да передачи присылала. Шел второй час ночи, мать уже спала, когда нагрянул сынок. Мама не сразу услышала, что в дверь звонят, кровинка же, возмущенный тем, что его не пускают, начал ломиться сильнее. Застучал ногами по дверям, словно желая их с петель снять.

– Иду, иду! – поспешила крикнуть Валентина Георгиевна, чтобы сынок ее услышал. – Уже открываю.

– Мать, это же я, понимаешь? Я! – пьяно улыбнулся Бондаренко родительнице, когда она открыла. Завалился через порог. – Мамуль, ну наконец-то! – Сынок лыка не вязал и упал матери в непроизвольные объятия.

– Ты бы хоть проспался, прежде чем домой идти, – ласково упрекнула Валентина Георгиевна, бережно отрывая сына от себя. – Я тебя днем ждала...

– Днем я никак не мог...

– Я так и подумала. Ну, иди спать ложись. – И Валентина Георгиевна сама, поддерживая сына, повела его в спальню. Толик сразу опустился на диван, но еще пытался разуться. Мать сняла с него новые модные туфли, купленные в бутике, и ушла к себе.

Пил Бондаренко тринадцать часов, а просыпался десять. Когда проснулся, мать сидела у него в изголовье и что-то вязала. Толик открыл глаза и задрал голову, молча наблюдал за мамой. Та не видела, что сынуля проснулся.

– Мам! – окликнул он, когда надоело ждать, пока на него обратят внимание.

– Что, проснулся наконец-то? – грубовато отозвалась Валентина Георгиевна. – И чего мне теперь с тобой делать? Кормить, что ли?

– Надо бы, – живо согласился сын.

– Нет, сынок, не буду, – спокойно продолжала мать. – Ты еще не забыл, где у нас кухня? Иди туда сам.

Бондаренко лениво поднялся.

– Ты все та же, – сокрушенно сказал он. – А между прочим, сына, пришедшего из тюрьмы, так не встречают.

– А как же тебя встречать надо? Фанфарами, или, может, мне пир закатить на весь мир? Лучше б ты не приходил, сынок. Не было мне беды, не было печали!

– Мать, ты мне давно дала понять, что я дерьмо; я хорошо помню твои письма. – Он резко повысил голос. – Только из хаты из этой я ни ногой, потому что такой же точно здесь хозяин, как и ты!

– Да кто ж тебя гонит, боже мой? – испугалась Валентина Георгиевна. – Я это к тому говорю, что тебе уже двадцать восемь лет, а толку с тебя всего-то и есть, что две судимости. К работе ты никакой не пригоден, да и где тебя возьмут, красавца такого?

– Это я – то к работе не пригоден? – Толик обиделся. – А ты знаешь, сколько я за забором отпахал? Ты за всю свою жизнь столько не работала! Я, между прочим, не одну специальность освоил! – он совсем разошелся.

– Хорошо, хорошо, – Валентина Георгиевна поспешила сгладить накал страстей, – пусть так. Только я не вечна, сынок, это ты запомни. Лет двадцать, если бог даст, еще протяну, а ты, если не пропадешь в своей тюрьме, как твой папка, мужик будешь еще крепкий. Кто тебя тогда кормить будет?

– Типун тебе на язык, мать. Я с зоной, чтоб ты знала, решил завязать. Я уже открестился от нее.

– Ну да! А как же тюремные законы, понятия, среда?..

– Мать, ты не поняла: завязать с зоной – это не значит завязать с прошлым. Я не собираюсь отказываться от блатной жизни, но я не собираюсь и садиться.

– Ладно, иди ты уже есть, там все теплое...

Толик вышел на кухню, и оттуда послышался грохот алюминиевой и стеклянной посуды.

Мать пришла к нему.

– Ну, а вдруг жениться надумаешь? Жену тоже придется по себе выбирать, чтоб нашел с ней общий язык, ужился...

– Жениться мне, мамань, по закону запаadlo.

– Я читала твое объявление в газете. Много дурочек тебе написало?

– Ты, мать, не торопись меня в отбросы общества записывать. Придет время, я тебя еще удивлю, вот увидишь. Кстати, который час?

– Скоро двенадцать

– Вот и прекрасно. Сейчас хаваю и отваливаю – меня ждет одна из тех дурочек, что мне письма писала...

ГЛАВА 6

Некоторое время они ничего не говорили друг другу, а только внимательно друг друга разглядывали. Но вот Толик коснулся ее куртки, провел рукой по рукаву...

– Так вот ты какая, значит, – сказал он таким голосом, что Света сразу испугалась.

– А какая я должна быть? – растерялась девчонка.

– Я, собственно, такой тебя и представлял. Хочешь сигарету?

Вообще-то Света не курила, но сейчас подумала, что в случае отказа Бондаренко ее не так поймет, если вообще поймет. И согласилась.

– Давай, – собралась она с духом и ответила твердо.

Анатолий поднес ей зажигалку. И сразу же понял, что курить девчонка не умеет.

– Э, да ты не умеешь курить, – скорчил рожу мужик.

– Ну, и не умею, – потупившись, призналась она. – Это что-то меняет?

– Я че-то по твоим письмам подумал, что ты полублатная какая-то... Писала так со знанием дела, все по теме, в строчку. Только фени не было.

– Толя, мне нужны деньги, – неожиданно прямо заявила Света.

– Что ты сказала?

– Мне нужны деньги, сто баксов. Мне надо заплатить за договор, чтобы устроиться на работу.

– Кидалово, нутром чую. За какую-то бумажку – сто «зеленых»? – усомнился Бондаренко. – Ну, а я при чем? Решила сфаловать меня на гоп-стоп? Я тебе за этим и был нужен?

– Нет, не за этим. Работу мне предложили только на прошлой неделе, а познакомиться с зеком я хотела уже давно.

– А на что он тебе нужен?

– Интересно.

– А не боишься, что это может быть опасно?

– Не боюсь: я осторожная.

– Ага. А ты знаешь, что в нашем мире за всякую услугу надо платить?

– Знаю.

– А если этим самым ты подписываешь себе смертный приговор?

Она учла и такой вариант. Вместе с тем ей безумно хотелось иметь столько денег, сколько пообещала Романюк, а дальше она сможет сполна рассчитаться за оказанную услуг. Деньги прельстили и Бондаренко: у него на самом деле сложилось иное мнение о предстоящей Светиной работе и услышав, сколько стоит договор, он тут же в уме представил себе, какая может быть зарплата. А тут еще Света сгоряча бросила:

– Половина с первой зарплаты – твоя!

Кто ж откажется от такого?

– Уговорила! – неожиданно сказал бандит. – Завтра в пять вечера жду тебя в Измайловском парке!

ГЛАВА 7

– Держи, – коротко сказал Бондаренко и подал ей тетрадный листок, сложенный квадратом. – И больше я в твои игры не играю, хотя свою часть я намерен получить сполна.

– Но сегодня я тебе ничего не дам, – дрожащим голосом сказала Света.

– Нет, ты отдашь мою долю после первой зарплаты, как по уговору. И не вздумай меня кинуть: я тебя все равно найду.

– Где ты это взял?

– Не надейся, эти башли не криминальные. Я занял их у матери: я пока чалился, она держала квартирантов. Забирай бабло и вали с ним подальше на сегодня. Через месяц я тебя найду, – сказав это, Бондаренко исчез.

«Интересно, как же ты меня найдешь, если ты не знаешь ни моего адреса, ни телефона?» – в этом она была уверена.

На следующий день Света пошла в фирму.

Романюк устроила ее рекламным агентом и распространителем. Впрочем, сама Ирина Алексеевна называла распространителя продавцом. Завтра Света должна была явиться в квартиру-фирму к девяти часам.

«Главное, чтоб только не обманули, – беспокоилась она, – а то мне точно придется ласты склеить: я ведь бандиту обещала»...

Свою первую выручку с аванса и зарплаты она бережно откладывала, помня, что эти деньги, увы, не ей предназначены. А когда пришло время отдавать долг, то долг был насильно у нее отнят. Дело было так.

Незадолго до истечения рокового месяца Света вечером, после работы, ехала в электричке, в полупустом вагоне, когда на станции «Китай-город» вошли двое бугаев отпугивающей внешности, и один сел рядом со Светой, а второй стад рядышком. Девушка поежилась, огляделась, еще раз поежилась и рванулась встать. Однако сосед, слева сидевший, оттащил ее назад. Девчонка совсем испугалась и хотела закричать, но тот же бугай, словно разгадав ее мысли, крепко зажал ей рот.

– Бабки давай, – наконец прорычал он.

Не сопротивляясь, Света покорно отдала все деньги, которые у нее были. Не те, конечно, что дома лежали и ждали своей очереди, но и этих вполне хватило, чтобы бандиты от нее отстали. Впрочем, она и не предполагала, кем подосланы эти налетчики...

А они, получив деньги, на ближайшей же станции ретировались. Следом за ними выпрыгнула и сама Света. И заплакала. Как теперь показаться Толику на глаза? что ему сказать? Что вообще теперь делать?

Она не знала, что Бондаренко уже получил ожидаемую сумму и вполне удовлетворился, но и он не знал, что эта сумма – меньше, чем половина Светиной зарплаты.

ГЛАВА 8

Но еще несколько долгих недель Бондаренко никак не давал о себе знать. Но вдруг ей на почтовый ящик пришло новое письмо, в котором Анатолий назначил ей встречу в определенный день на Чистых Прудах. День исчислялся двумя неделями – затем, что Толик не знал, когда Света заберет письмо, и может случиться так, что означенный день уже прошел, и на встречу можно не идти, так как встреча не состоялась. В свою очередь Света, забрав письмо, не верила, что Толик не забудет день, который сам же ей и назначил. На Чистые Пруды она пошла, но не надеялась, что Бондаренко явится.

А он явился, и хотя был здорово пьян, но пришел раньше ожидаемого времени. Света его не видела, так как смотрела в другую сторону и отвлеклась. Бондаренко ей громко свистнул, она обернулась. Когда приблизился, крепко всосался ей в губы. При этом он ни слова не сказал, даже не поздоровался с девушкой.

За все время знакомства это был их первый поцелуй, под час которого Света чуть не задохнулась от едкого перегара, валившего из нутра Бондаренко.

– Персик, – зачем-то тихо сказал он после поцелуя.

– Толя, я лучше пойду. – От обиды девушка готова была заплакать, рванулась идти.

– Ты че? Ну, куда? подожди! – Бондаренко ринулся за ней.

– Я тебе деньги принесла, да, видно, сегодня получить ты их не в состоянии! – яростно крикнула Света, едва сдерживаясь, чтобы не зареветь. В один миг в ней накопилось столько ненависти к этому уроду, что она думала, будто эти чувства сейчас взорвутся в ней разом.

– Какие деньги? – удивился он.

– Ну... я же тебе должна...

Бондаренко не понимал, о каких башлях она трет базар, но отказываться не стал.

– Давай, – сказал он, нимало не колеблясь. Взяв же доллары, пересчитывать их не стал, а запихнул во внутренний карман. И посмотрел на Свету жадными глазами:

– Гляди-ка, ты за базар как будто отвечаешь. Во, блин!.. – Затем снова поцеловал ее.

– Пошли, обмоем это дело?

– И куда же мы пойдем?

– В ресторан.

– Толик, а тебе не кажется, что тебе уже хватит?

– Дай руку, – он подставил локоть. – Возьми, не бойся.

Света робко просунула руку в образовавшееся кольцо. Мужик, не долго думая, сразу же плотно прижал ее к себе.

– Ты че? – ощутил он ее робость. – Боишься?

– Нет, все нормально, – скупо ответила девушка. – Куда мы идем?

– Городом любоваться, – грубо ответил он.

Света шла боязливо, ступала неуверенно. Толик шагал рядом и следил за ней глазами. Тот факт, что Света его боится, давал бандиту возможность чувствовать над ней свою силу и власть. Этим он гордился.

А Света решила воспользоваться пьяным состоянием кавалера и завела давно наболевшую тему:

– Толик, а в тюрьме сидеть хорошо?

– Кому как, а ты чего спрашиваешь?

– Интересно. Там кормят хоть как?

– Хреново. А ты, значит, вот зачем связалась со мной, – догадался он. – Решила, что я буду твоим информатором. Ясно. Ну, а как насчет «завязать»?

– Не поняла...

– Я говорю, что я, может быть, завязал, об этом ты не думала? А раз так, то мне неприятно вспоминать про зону, я хочу забыть о ней, это – мое прошлое. И если тебя интересует зоновская тема, то я не тот, кто тебе нужен.

– А твои друзья, которые встречали тебя у тюремных ворот? С ними ты тоже завязываешь?

– Они мне не друзья. С ними просто так не развяжешься: тут – другое...

– Вот, а говоришь... – хотела спорить Вершинская, но Бондаренко ее перебил:

– Я тебе сказал – и все. Если тебя это не устраивает, то нам лучше разойтись и никогда больше не пересекаться.

– А если мы все же пересечемся?

– Я советую тебе избегать меня, а я тебя и так не замечу.

«Нет, для жизни он не годится, – сделала вывод Света. – С ним тяжело общаться, серьезных намерений он не имеет, полномочным хозяином в доме будет тоже он и будет, где ни попадя, затыкать мне рот. Я буду его рабой, а ему будет на меня наплевать. Надо все прекращать, пока не поздно».

– Ты, может, наконец-то скажешь мне свой телефон? – Анатолий закурил.

– Ты не запомнишь.

– Запомню.

«Пьяный-то», – подумала Света и достала из сумочки клочок бумажки и ручку, что были всегда при ней, и написала семь цифр. И вложила клочок кавалеру в карман.

– Только не потеряй.

ГЛАВА 9

Когда он позвонил через два дня, то напомнил Свете о долге.

– Я ж тебе заплатила позавчера! – возмутилась она. – Ты просто пьяный был... Ты еще деньги во внутренний карман положил...

– Во-первых, долги возвращают, а не платят, а во-вторых, там мало. Я ни в жизнь не поверю, что ты получаешь всего пятьсот баксов.

– Знаешь, Толя, все мои письма к тебе были ошибкой, я раскаиваюсь. Нам не стоит дальше встречаться, – решительно заявила она.

– Тю-тю-тю. Ты что, плохо понимаешь, куда ты встряла? Я от тебя теперь не отстану, пока ты мне не заплатишь. А теперь у меня есть твой номер, так что я легко смогу установить и адрес. Решай, дорогая, выбирай.

Она решила, что это банальный рэкет. Сейчас должна, завтра скажет должна... Неужели оно так и пойдет? Впрочем, она может и обратиться куда следует...

– Сколько ты хочешь?

– Еще двести.

– Ремесло, имей в виду: если после этого ты от меня не отвяжешься...

– То что? К мусорам пойдешь? Только сунься – и всей твоей семье будет очень плохо, в том числе и тебе. Значит, завтра жду тебя на старом месте в четыре.

– Я буду на работе...

– Мне пофигу. Прихилить – это в твоих же интересах.

А на Чистых Прудах он сказал:

– Просто понимаешь ли, Светик, в чем дело: у меня сегодня один хороший кореш откидывается, и те бабки, которые ты мне позавчера вернула, я отдал в общак ему на подогрев, а сегодня ты возвращаешь мне долг.

– Почему ж ты этого по телефону не сказал?

– Мне нравится тебя пугать.

– У тебя это хорошо получается, – она расстроилась. Вместе с тем ей становилось страшно интересно и увлекательно от того, что с ней происходит. Ей не верилось, что мечта идиотки сбылась...

– Ты моя Бонни, – вдруг сказал Бондаренко, прижимая ее к себе. – Пойдем по такому случаю куда-нибудь присядем, пивка выпьем...

– За кого? За твоего кореша?

– Да. И за возрождение Бонни и Клайда.

С этого дня они надолго стали русскими Бонни и Клайдом.

Они притопали к бару. Света впервые оказалась в таком заведении.

– Иди вон туда, – указал Анатолий на пустой столик в углу, – а я сейчас. Тебе какое пиво: легкое или крепкое?

– А какое лучше?

– Пожалуй, легкое, – безразлично сказал Бондаренко и отошел к прилавку.

Он купил две баночки «Три медведя» и скорым шагом повалил к Свете. Угостил небрежно: просто протянул банку. Она приняла жестяной сосуд, но ей еще пришлось поговорить с открывателем, прежде чем Толик догадался ей помочь. Откупорив сосуд, он предложил чокнуться.

– Чокнемся, – робко согласилась Света.

Прозвучал легкий удар, после которого Бондаренко залил пойло в поросшую редкой щетиной пасть. Света лишь наблюдала за ним.

– Хорошо, – удовлетворенно сказал он. – А ты чего ждешь?

– Я не могу так быстро...

– Тогда я пойду еще куплю и отваливаем отсель.

Дорогой они говорили обо всем, на разные темы, но мало понимали друг друга: там, где Бондаренко задавал вопросы с подвохом, Света этого подвоха не видела, и наоборот, а когда она пыталась кавалеру что-то доказать, он не слышал. В общем, они не могли договориться.

– Толь, а вот скажи, что ты нашел во мне интересного? Я малая для тебя, у нас с тобой разные понятия...

Бондаренко хмыкнул:

– Что интересного? В тебе есть загадка.

– Какая?

– Это я тебе скажу как-нибудь потом.

– Когда?

– Когда, допустим, мы будем с тобой лежать вместе в одной постельке и пить хотя бы это самое пиво.

Девчонка поспешно умолкла, почувствовав себя не то дурой, не то оскорбленной: слова про постель бандитом были сказаны довольно пошловато.

– Это все, что тебе от меня надо? – обиделась Света, на что Ремесло засмеялся:

– Ха, если б только это! – Аккуратно закурил. – Если б я хотел от тебя только постели, я с тобой бы сейчас лясы не точил, а пошел бы да снял проститутку! Подумаешь, удовольствие большое – трахнуть тебя и свалить!

Света оскорбилась еще больше.

– Денег не хватит, – сказала она грубо.

– На что? Снять на ночь бабу? Не волнуйся, – добродушно заключил он, похлопав Свету по коленке. Та слегка отстранилась, но Толян заметил и воспринял это действие как пренебрежение его персоной.

– Ты че сопатку кривишь? Не в кайф, что я тебя цапнул? Так какого хрена ты тогда вообще с мужиком знакомилась?

Света угрюмо промолчала, понимая, что он прав. Но ей было неприятно слышать от него пошлости, тем более если речь шла о каких-то других бабах. Вот если б она сказала такое про себя и про неких левых мужиков, он явно бы взбесился.

У нее к Ремеслу интерес, но – творческий. Одно дело придумать бандитов в образах и совсем другое видеть бандита живьем, слушать его, чувствовать его самого и его характер, природу. С ним было, в принципе, не плохо: поведение Толика Свету мало удивляло, но с этической стороны было тяжело. Ей были непривычны невежество Бондаренко, его грубость, но и ничего другого она от него тоже не ждала. В целом, она не жалела, что связалась с ним.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 10

– Здравствуйте! – с порога прогремел Бондаренко.

Мама Светы, Тамара Анатольевна, вышла гостю навстречу с полотенцем в руках. Но увидеть такого гостя она была не рада.

– Здравствуйте, – ответила разочарованно.

– Мамань, я ваш будущий зять, – бесцеремонно заявил Бондаренко, ощерив зубы. Тамара Анатольевна замахала руками, окстясь.

Парочка прошла в зал.

– Вот здесь я и живу, – сказала Света. – Садись куда-нибудь.

– Я уже насиделся, – вяло и без грубости поправил Толик. – Следующий раз говори «присядь», – и плюхнулся на диван. Притянул Свету к себе, усадил на колени.

– Иди ко мне. Вот так. – Положил девушке руки на плечи, медленно спустил их вниз. – Зазноба ты моя...

– Скажи, Клайд, у тебя ко мне есть какие-нибудь чувства?

– А как ты хочешь, чтобы было?

– А как есть?

– В тебе есть что-то загадочное. Я хочу тебя разгадать.

В то время домой вернулась Оля. Мать наспех ей все рассказала. Шепотом.

– Ой, Олечка, на жулика похож, – взволнованно добавила Тамара Анатольевна.

– Красивый хоть?

– Страшный, как черт! Рыжий, что ли? Не разобрала. Но похож на рыжего, высокий, крепкий.

– Он хоть поздоровался?

– Да, но мне показалось, что это труба прогудела.

– Они там? – кивнула старшая дочь на закрытую дверь и, получив утвердительный ответ, подкралась к дверям. Но за ними только разговоры шуршали.

– Бонни, а ты знаешь, что я всегда искал такую чувиху, как ты? Поэтому хочу, чтоб ты стала моей и только моей, чтоб никому больше не принадлежала.

Света, сидевшая до сих пор в положении, когда ее голова упиралась ему прямо в подмышку, подняла на него довольные глазки и улыбнулась счастливой улыбкой.

– А ты не врешь?

– Гадом буду. – И крепко поцеловал ее.

– Интересно, это что же во мне такого особенного?

– Ты не куришь, это раз, и это любопытно. Хотя мне, конечно, пофигу, куришь ты или нет, но все-таки интересно, почему же нет?

– Не хочу. Если б хотела – закурила, и никто бы мне не запретил. Для себя же и не хочу. Из принципа. Другие пусть курят, а я не буду.

– Бонни, мне завтра надо отвалить в Питер – меня братва вызывает на несколько дней.

– Зачем?

– Я и сам пока не знаю.

– А меня ты с собой не возьмешь?

– Как-нибудь в другой раз. Слушай, Бонни, сделай мне чаю.

– Иди и сделай, – девчонка начала показывать характер. Бондаренко нахмурился:

– Я, конечно, могу сделать, но на кухне твои родители. Ты предлагаешь мне показаться им на глаза?

– Почему бы нет?

– Потому что сегодня я трезвый. Был бы бухой – не вопрос, а трезвого не загонишь. Сам не сунусь.

В этих словах Света почувствовала оскорбление всей своей семьи, но промолчала. Она боялась как-нибудь и чем-нибудь обидеть Бондаренко, чтобы не разозлить, потому что боялась его потерять. Ей было с ним интересно и пока что он был ей нужен.

ГЛАВА 11

Когда Толик отчалил в Питер, Света времени тоже не теряла: она позвонила писателю Воскресенскому и договорилась с ним о встрече.

Андрей Ильич Рязанцев, он же писатель Воскресенский, был знаменит не одними своими книгами, но также тем, что лично знал многих воров в законе, заполонивших Россию с севера на юг и с запада на восток. Все потому, что смотрящий по стране приходился ему сводным братом по отцу. Андрей Ильич в воровской среде давно свой человек, хотя сам ни разу не судим, не вор и не крещен законником. Зато он отлично знает культуру (точнее, субкультуру) воровской среды, знает закон и порядки авторитетов как на воле, так и в заключении. Описывал в своих произведениях он это все очень грамотно и разумно, а перед самими «чесняками», перед их званием преклонялся. Таким образом, писатель Воскресенский вел двойную, но осторожную жизнь.

Света Вершинская нашла его случайно и уже была у него несколько раз. Но если прежде она привозила Воскресенскому начало и середину своего произведения, то сегодня захватила несколько листов из конца. До сих пор Андрей Ильич был ее критиком и одновременно учителем. Работал он художественным критиком на радио «Эхо Москвы», куда Света приезжала всегда и приехала сегодня.

– Здравствуйте! – Света легонько открыла дверь и заглянула в рабочий офис писателя. Воскресенский поднял глаза.

– О, да это Светик пожаловала! Ну, здравствуй, здравствуй; заходи!

Девчонка вошла и бесцеремонно села в мягкое офисное кресло, напротив писателя: это место Воскресенский уступил Свете в самый первый раз, когда она к нему пришла, и теперь это кресло она считала своим по праву.

– Как дела?

– Очень хорошо, – Света улыбнулась накрашенными губами. – Я вам привезла несколько листов из конца романа, развязку действия, – она протянула прозрачную цветную папку – скоросшиватель. Воскресенский принял.

– Но ты говорила, что у тебя копии рукописи нет... Тебе это не мешает? Как же ты справляешься?

– Я отлично помню все содержание от начала до конца.

– Содержание-то помнить можно, да только ляпов бы потом не вышло, вроде таких, например, что в начале романа у тебя Калина откидывается по амнистии, а в конце окажется, что по УДО.

– Если даже такое и получится, то я поленюсь отлистать листы и найти, в каком месте это есть. Я лучше потом исправлю, когда буду переписывать.

– А у тебя компьютер есть?

– Наверное, если бы он у меня был, я бы руку не напрягала и листы зря не переводила, как вы думаете?

Воскресенский усмехнулся:

– И то правда. Но мой тебе совет компьютер все же приобрести, потому что рукописным вариантом себе глаза слепить никто не будет.

– Не вопрос, эту проблему я решу. Скажите, роман можно отдавать в печать?

– А у тебя есть деньги на издание?

– Есть.

– Ну, тогда дописывай роман, оформляй в электронном варианте и будем соображать вместе. Ты уже подобрала себе псевдоним?

– У меня два варианта фамилии: либо Владимирская, либо Вознесенская, и они мне оба нравятся.

– А имя закрывать будешь?

– Да: я назову себя Соней.

– Тогда лучше второй вариант... какой ты сказала?

– Вознесенская.

– Вот. Соне лучше Вознесенская, к тому же и веселее произносится, и короче.

– Может, мне мужской псевдоним взять? Ну, например, Сергей Таганцев?

– Зачем?

– А как Жорж Санд?

– Много ты знаешь про Жорж Санд! – Воскресенский махнул на Свету рукой. – Может, она образ жизни вела такой, что больше на мужика была похожа.

Воскресенский явно хотел сказать что-то еще, но его перебил заглянувший в дверь высокий худощавый мужчина средних лет, в темных очках, одетый чисто и элегантно.

– Можно к тебе, Андрюха? – спросил он мягко.

– А, Монарх! Заходи, дорогой, присаживайся! – разрешил Воскресенский.

– Здравствуйте, – лениво бросил вошедший Свете. Она сказала ему «здрате» с огромным удивлением. И заторопилась.

– Ладно, Андрей Ильич, я, пожалуй, пойду. Телефон мой вы знаете, – и быстро исчезла в дверях. Но сразу же вернулась.

– До свиданья забыла сказать.

– Пока, Светик. Но ты звони, интересуйся.

Когда Света скрылась, Андрей занялся гостем.

– Ну, брат, тебя-то что ко мне привело?

ГЛАВА 12

Света под музыку шансона увлеченно писала про своих бандитов, когда с работы приволокся глава семейства, отчим Леонид. И сразу же поперся в Светину комнату. Он был пьян.

– Че, глухая, что ли? – заревел Бавыкин на весь дом. – Неужели нельзя потише сделать? – Он крутанул регулятор громкости. Но едва он ушел, девчонка опять сделала по-своему. Бавыкин, услышав, что музыка усилилась, взбесился, опять прилетел:

– Ты че, не понимаешь? Или в голову захотела?

Светке безумно хотелось послать отчима, но она промолчала, потому что отчим давно стал для нее пустым местом и для нее его как бы не существовало.

А тот ушел на кухню и продолжал ворчать:

– Сидит дома целыми днями, пялится в тетрадки, хоть бы погулять куда сходила, чмо. А то даже подруг нет. Так сиднем и просидит всю жизнь.

Он обедал, а Света подошла к телефону и сделала вид, что звонит.

– Здравствуйте. Скажите, а Толя есть? Нет? А когда появится? Понятно. А вы его мама? Что ж, очень приятно. Нет-нет, передавать ничего не надо, я ему потом сама перезвоню. Спасибо и извините.

Вечером, когда вся семья Вершинских собралась в полном составе, отчим, как самый непросвещенный из всех, спросил:

– А какому это Толику сегодня звонила наша мымра?

– Леня, какие у тебя слова... – возмутилась Тамара Анатольевна.

– Я спрашиваю, кому она звонила?

– Человеку! – раздраженно выкрикнула Света.

– Откуда он взялся? – продолжал допрос Бавыкин.

– С неба упал. Мама, знаешь, что я надумала? Я в институт буду поступать. Решила учиться, а со следующей недели в педагогический начнут принимать документы – я узнавала.

Услышав это, Бавыкин поднял рев на всю кухню:

– Какой, нахрен, педагогический? Ты ж детей терпеть не можешь; чмо ты, а не учительница!

– Ленечка, что ты говоришь такое, я вообще не понимаю! – испугалась Тамара Анатольевна. – Как так можно? Всякими словами на нее... Какой ты... я не знаю...

– А что, я не так говорю разве? Она не чмо? Запрется вечно в этой своей спальне, и хрен знает, чем человек там занимается!

Света очень обиделась на отборные слова отчима, но, в конце концов, не выдержала:

– Раз я чмо – вали туда, где уродов нет!

– Я тебе сейчас как двину по морде, так ты у меня в два счета вылетишь отсюда вон, сука!

На помощь пришла старшая сестра:

– И скажи своей бывшей, что нечего ей сюда звонить!

Оля сказала это не просто так: недавно, в отсутствие Леонида Васильевича дома, звонил телефон. Дважды подряд. По очереди подходили то Тамара Анатольевна, то Оля.

– Здравствуйте, – сказал им лисий голосок, когда подошла Тамара Анатольевна, – а можно пригласить к телефону Владимира Николаевича?

– А кто его спрашивает? – задал наводящий вопрос Вершинская, хорошенько догадываясь, кто это может быть.

– А вам какое дело? – обнаглела звонившая.

– Для вас его уже нет! – смело ответила Тамара Анатольевна и положила трубку. Но едва лишь она отошла, как аппарат зазвенел опять.

– Для меня он будет всегда! – бесцеремонно заявила госпожа Бавыкина.

– Ошибаешься, дорогая! – успела сказать старшая дочь, но разговор на этом оборвался...

– Кому? – округлил зенки Бавыкин.

– Знаешь, кому! – поддакнула Тамара Анатольевна.

– Это не ваше дело! – цинично заявил тогда Вершинский.

– Ах, не наше? – вспылила Тамара Анатольевна. – Тогда, Володенька, если она хорошая, а мы плохие, если там лучше, чем здесь, и если она тебе дороже, – иди к ней и живи, я тебе это уже сто раз говорила.

Но уходить к бывшей жене Бавыкин не хотел. У них сын уже взрослый, который блудного папашу запросто на место поставит, там не покомандуешь, не назовешь Бавыкину «сукой»... Да и вообще Леонид Васильевич знал, что там он тоже нужен так, как и здесь.

Только семья Вершинских завершила вспоминать инцидент с Бавыкиной, как телефон затрещал снова. Света рванулась с места:

– Ну, теперь подойду я!

– Сидеть! – рявкнул Вершинский так, что на потолке аж люстра зазвенела, – я сам!

Однако звонили Свете

– Але? – подбежала девчонка. – Привет! Когда ты приедешь? Очень соскучилась, милый. (Пауза). Есть. А сколько тебе надо? Столько найду, но ты меня разоришь. Когда это кончится? (Пауза) Поняла. Да, я приду. Не переживай, Клайд, я сама его увижу. Все, пока. Да-да, я тебя тоже.

Поговорив с Ремеслом, Света на кухню больше не пошла, а пошла к себе. Любопытный отчим приперся следом.

– Кто это был?

– Какая разница?

– Что тебе за подозрительные фрукты такие звонят, которые деньги требуют, а поздороваться им трудно?

– Вот ты не знаешь, кто мне звонил! – язвительно поддала Света. – Это звонил он...

ГЛАВА 13

К шести часам вечера Света прибыла на Рижский вокзал, вошла внутрь и обратила внимание на игровые автоматы – именно там, по словам Бондаренко, ее должны ждать.

У одного автомата ей в глаза бросился высокий мужчина в темных очках и сером костюме мокрого дождя. Вид у него был серьезный, и он не играл в игрушки, а тихонько стоял в стороне и листал записную книжку. Свете даже издалека показалось, что она его знает. Она подошла смело.

– Добрый вечер, это вы будете Крот?

Тот задернул очки на лоб и нахмурился:

– А ты откуда знаешь, интересная такая?

– Передали, что ждать меня здесь будете. А погоняло выдали.

– Ремесло, знаю. А ты как меня узнала?

– Загадка природы.

Крот окинул Свету взглядом с головы до ног, обошел со всех сторон несколько раз.

– Ничего чувиха, – сказал он громко. – За телку сойдешь. Башли принесла?

– Принесла, но просто так не отдам. Сначала расскажи, как там Клайд? Когда он вернется?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.